

Источник: Новый таганрогский курьер

Дата выпуска: 30.07.2016

Номер выпуска: 25

Заглавие: Судьба в ритме джаза

Автор: Е. Шапочка

Уроженцу Таганрога, поэту, переводчику, танцору, создателю первого отечественного джазового оркестра Валентину Парнаху 27 июля исполнилось 125 лет со дня рождения.

«Я родился в приморском белом городишке к северо-востоку от Крыма. Везде балконы и террасы. Сады полны чайных роз, сирени, гелиотропов. Стройные улицы, обсаженные белыми акациями и пирамидальными тополями, составляли сплошной сад. Летом весь город источал благоухание. Маленький порт, куда я часто ходил на прогулку с отцом, казалось, младенчески улыбался. Турецкие фелуки, греческие пароходы! Я жадно читал названия: «Мариетта», «Амвросий», «Негропонт». Я жадно вдыхал запах морской соли и корабельных смол. В начале весны в море млели сизые голубые цвета. Летом, по вечерам, в сумраке и прохладе реяло что-то зеленое. А закат цвел особой янтарной желтизной, которую через много лет я увидел только в Толедо. В греческом монастыре, белевшем дорическими колоннами, уныло звенели вечерние колокола...».

Это отрывок из воспоминаний о Таганроге одного из его уроженцев. Кто писал так экспрессивно - поэт, музыкант, танцор, художник? Далее читаем: «...В этот час, после целого дня тяжелой жары, девушки и юноши выходили на улицу. Они спешили на свидание в городской сад или в гавань. На плечах гречанок развевались красные, лиловые, желтые, оранжевые шарфы. Вечер, отягченный густым мраком, хранил юные тайны. На пустынной улице вдруг веяло благоухание: через минуту из-за угла появлялась раздушенная бронзово-смуглая гречанка в легком белом платье и опять исчезала в черной ночи. Дни тянулись лениво. Греки медленно перебирали четки. Мелкими зернами сыпались греческие слова. На бортах пароходов и на вывесках парикмахерских не увядала древность - греческие буквы».

Автор кажется незнакомым. А между тем, в своё время его имя звучало наряду с именами В.Э. Мейерхольда, С.М. Эйзенштейна, М.И. Цветаевой. Это воспоминания поэта, переводчика, джазмена, путешественника, питомца Таганрогской гимназии Валентина Яковлевича Парнаха, любезно предоставленные автору Ольгой Семёновной Сербской из Твери.

Валентин Парнах оставил яркий след в отечественной культуре, но несмотря на это мало известен не только широкой публике, но и своим землякам таганрожцам. Мало известен он был и автору, пока осенью 2005 года судьба не свела его в залах таганрогской городской библиотеки с Алексеем Николаевичем Баташевым - писателем и историком музыки, блестяще представившим уроженца Таганрога в статье «Пророчество жирафовидного истукана».

«Поэт Валентин Парнах, - пишет Баташев, - был первый, кто в России произнес слово «джаз», собрал первый в РСФСР джаз-банд, дебютный концерт которого состоялся в Москве 1 октября 1922 года. Тогда он сказал: «Течения музыки Азии и Африки странно скрестились в Америке».

Если бы Парнах дожил до наших дней, он, наверное, мог бы сказать, что течения музыки Азии, Африки, Америки и Европы странно скрестились в России.

Новодевичий некрополь... Сколько судеб похоронено здесь. В одной из ниш его древних стен уже более сорока лет покоится прах некогда знаменитого Валентина Яковлевича Парнаха, оставившего заметный след в испанской, французской, еврейской и русской культурах; человека, одаренного множеством талантов - поэта, историка, полиглота, литера-

туроведа, учителя, философа, балетмейстера, танцора, музыканта, - с именем которого некогда связывали будущие пути развития этих искусств».

Чем больше узнаешь о Парнахе, тем более сведения о нём не укладываются в привычную схему, по которой строится судьба человека. Привычное - родился, крестился, учился - не подходит к Валентину Яковлевичу. Это была не судьба, а движение звезды, которая то вспыхивает, то замирает; и так до самого своего исчезновения с небосклона.

Валентин Яковлевич Парнах (по отцу - Парнох) родился 26(14) июля 1891 года в семье аптекаря. Учился в Таганрогской гимназии, которую окончил с золотой медалью. Газета «Таганрогский вестник» в июне 1910 года в короткой заметке сообщила: «В этом году окончил мужскую гимназию 40 человек; из них с медалью - 11». В ряду с Парнох «золотая» молодежь класса: Диамантиди, Колоденко, Левченко, Овчинников, Хараджа, Юдин. За гимназией последовала учеба в Петербургском университете на филологическом факультете. Музыке он учился у М.Ф. Гнесина; у В.Э.Мейерхольда - театральному искусству. Поэзии Валентина учило сумасшедшее время молодого века. Его сестры Елизавета и София тоже писали стихи (больше, как поэтесса под псевдонимом Парнок, известна София). Валентин, «худощавый блондин с открытым лицом и обаятельной улыбкой», с 1913 года жил в Париже, где учился в Сорбонне, занимался музыкой, был председателем Парижской палаты поэтов и выпустил три книжки своей неожиданной поэзии. Это сборники «Самум», «Словодвиг» и «Карабкается акробат». Последний открывался портретом автора, выполненным тогда еще мало кому известным художником Пабло Пикассо.

После революции и гражданской войны Валентину Парнаху виделись перспективы на Родине, и в 1922 году успешный сын таганрогского аптекаря прибыл в Москву. Сразу по прибытии его в Советскую Россию, газета «Известия» сообщила, что Валентин Парнах «покажет свои работы в области новой музыки, поэзии и эксцентрического танца, демонстрировавшиеся с большим успехом в Берлине, Риме, Мадриде, Париже».

Парнах не только первым кириллицей написал слово «джаз», но и привез в Россию все необходимое для джаз-банды: банджо, саксофон, наборы сурдин, тамтам с ножной педалью, тарелки и диковинные шумовые инструменты. Так в Стране Советов появился ансамбль с прозрачным названием - «Первый в РСФСР эксцентрический оркестр джаз-банд Валентина Парнаха». Случилось это все в том же 1922 году.

В России Валентину удалось выпустить единственную книгу стихов в 1925 году. Человек-оркестр, странный лектор-танцор пишет в первых советских газетах статьи о джазе, переводит европейскую и древнегреческую поэзию. Переводами занимается тем больше, чем меньше у него складываются отношения с теми, кто им восхищался, кто понимая - не понимал, кто смеялся.

«Осип Мандельштам, - как рассказывает в своей статье Алексей Баташев, - жестоко и несправедливо унизил и высмеял Парнаха в повести «Египетская марка». Парнах и Мандельштам были одногодки, они были похожи, и это сходство было почему-то физически неприятно Мандельштаму. С тех пор Парнах ушел в тень, зарабатывал на кусок хлеба переводами того, чего, кроме него, никто уж переводить не брался. <...> Черная беда косила все вокруг. Угасла Сонечка (С.Парнок.- авт.), расстрелян Мейерхольд, сгинул в лагерной тьме Мандельштам, и вот уже страшная осень 1941-го, и эвакуационный писательский пароход плывет вниз по Волге, неся в своих каютах и трюмах то, что осталось от прежних литературных игр и дразг. Остановка в Чистополе - большая выгрузка.

Двое литературных изгоев - Парнах и Цветаева - пытаются устроиться за кусок хлеба в литфондовскую столовку: один - стоять в дверях, другая - мыть посуду. Ей от ворот поворот, отправляют в Елабугу, где она кончает с собой, а его берут; возможно это и продлило его жизнь еще на десять лет».

Но самый главный труд жизни Валентина Яковлевича был уже сделан. Он долго был забыт соотечественниками, но теперь его вспоминают благодаря летописцу российского джаза Алексею Баташеву. Очерк об уроженце Таганрога Валентине Парнахе хочется завершить словами этого знатока: «Он покинул свой родной Таганрог и пустился на свой страх и

риск в неведомое путешествие по Аравии и Палестине, Египту и Сицилии, Испании и Франции. Он собрал остатки древней и средневековой еврейской культуры, а в европейских библиотеках и архивах открыл пласт поэзии, загубленной и похороненной испанской инквизицией. Он вернул мировой культуре то, что лежало безвестным несколько столетий. Второго такого личного литературного подвига я не знаю».

Умер Валентин Парнах в день рождения своего земляка Антона Павловича Чехова, 29 января 1951 года. Его прах покоится в земле Новодевичьего монастыря в Москве.

ДЕТСТВО В БАЛАКЛАВЕ

Туда приехал я в ночи, в июле.
Пять лет я помнил бухт уклон.
Морские ветры между гор не дули,
Когда я вышел на балкон.
Слепящий фосфор волн и берег плоский,
Кометы в небе молодом.
И длинный свет молочный с миноноски
Вливался в этот белый дом.
Соленый дух живил острее, чем росы,
Чем аромат магнольных чаш.
И радостно на пристани матросы
Трубили мой любимый марш!

ВС. МЕЙЕРХОЛЬДУ

Кафе, театры, цирки, трубы
Мне были хуже пытки яростной,
И взлет смычков блаженно-грубый
Меня пьянил, как ветер парусный!
Рок! Твой губительный приказ
Был «невозможно» и «на место».
Но я собой был каждый раз,
Как слушал ужасы оркестра!
О, пусть ход действия поруган,
Пусть тягостно веков наследие, -
Присуждено мне по заслугам
Великолепие Трагедии.
Я с детства, трубы, слышал весть
Всех пыток, роковую славу,
И все готовый перенести,
Я силы получил по праву.